

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Скуки ради. Александр Иванович Герцен

I

Я сел в вагон в самом скверном расположении духа, - ехать в путь, когда не хочется, скучно; ехать на лечение - еще скучнее... но чувствовать себя ко всему этому совершенно здоровым... этого и выразить нельзя...
Быть не в духе, скучать, капризничать можно, когда кто-нибудь этим огорчается, занимается, когда кто-нибудь развлекает, а сидеть в вагоне и знать, что никому дела нет до этого, что никто не обращает внимания, это выше сил человеческих. Я попробовал придраться к соседу за то, что у него дорожный мешок велик, и нарочно сказал ему: "Ваш чемодан мне мешает". Дурак извинился и переложил с кротостью мешок на другое место.

Поэты говорят, что вынести они могут многое, но что им надобно пропеть свое горе... Пропеть кому-нибудь - петь без уха слушающего так же трудно, как легко петь без голоса... Уха-то, уха пригодного у меня недоставало. "Впрочем, - подумал я, - поэты для большего удобства поют чернилами, а я буду капризничать карандашом..." Затем я вынул из кармана только что купленный "Memorandum" и еще раз окинул взглядом соседей. Их было четверо четыре в четырех углах. Когда это они успели забиться, сейчас нас спустили из *salle d'attente* [зала ожидания (фр.)]. Что за безобразные рожи! Надобно правду сказать, род человеческий некрасив. Через две станции трое вышли, и, едва я успел броситься в угол, взошли трое других, еще хуже, - так и видно, что череп им жмет мозг, как узкий сапог, что мысль их похожа на китайские ножки, на которых ходить нельзя, - слаба, мала, тесна... А жиру вволю. Средний класс во Франции очень потолстел за последние двадцать лет.

Впрочем, на каком же основании ждал я Аполлонов Бельведерских в случайном наплыве, который зачерпывала железная дорога *chemin faisant* [попутно (фр.)], почти не останавливаясь.

Красота вообще редкость; есть целые народы из меньших братии, у которых никакой нет красоты, например, обезьяны с своими ирландскими челюстями, молодыми морщинами и выдавшимися зубами, лягушки с глазами навыкате и ртом до ушей... да и часто ли встречается красивая лошадь, собака? Одна природа постоянно красива, потому что мы на нее смотрим издали, с благородной дистанции; к тому же она нам посторонняя, и мы с ней не ведем никаких счетов, не имеем никаких личностей, смотрим на нее как чужие и просто не видим тех безобразий, которые нам бросаются в глаза в человеческих лицах и даже в звериных, имеющих с нашими родственное сходство. А присмотришься к лицам и, при всем их безобразии, не отвернешься. Лицо - служебной список, в котором все отмечено, паспорт, на котором визы остаются. И как это все умещается между темем и подбородком, все, с малейшими подробностями, иескромностями и обличениями, все выважено бедными средствами мышц, жира, оболочек и костей! Недаром мне Фан-Майден говорил: "Чем больше я рисую, тем больше меня занимают лица, одни лица, головы, физиономии; что за неисчерпаемое богатство оттенков выражений" - "и невольных исповедей", - прибавил я.

Решительно, я слишком строго осудил тесные лбы, теснящие черепа, толстые носы, глупые глаза, ненужные усы, - все оттого, что был не в духе. Очень много уже бед было со мной еще до вагона. Перед самым отъездом оторвалась пряжка у чемодана. Господи, как смешно, беспомощно стоит наш брат перед такой бедой... Если б нас между Расином и Шиллером немного учили шилу да игле, взял бы да починил, а тут комическое отчаяние и мрачные рассуждения. Только что я успокоился на том, что без пряжки можно обойтись, стоит запереть чемодан, - ключ пропал! Сейчас был здесь, вот на этом столе, как теперь вижу; перерываю, перебрасываю все - ключа нет, и я, утомившись, сел на стул, самоотверженно скрестив руки на груди. Рази, мол, судьба, если еще есть стрела.

Какое счастье было в старые годы, когда при ремне, при ключе состоял камердинер, и на нем можно было взыскать, аачем перегорел ремень и зачем сам потерял ключ. Ничего не может быть вреднее для здоровья, как именно то, что нельзя выместить на комнибудь беду, - поди тут и берегись.

Лонже, знаменитый физиолог, Лонже de l'Institut, его авторитета не отведет никто, раз подымался со мной в Монпелье, по улице, идущей вверх от Медицинской школы.

- Куда вы торопитесь? - сказал он мне, останавливаясь. - Не у всех такие легкие, как у вас, я вот не могу перевести духа. Погодите минуту, я вам расскажу, отчего я задыхаюсь: это очень любопытно. Вы, верно, знаете старого дурака (здесь он назвал одного академика, которого имя так громко, что я не хочу обозначить его

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
даже предательскими заглавными буквами), *il est tout ramollî* [он совершенно
выжил на ума (фр.)] а все презная бестия; меня он терпеть не мог и врал на меня
всякую чушь; я долго спускал ему, но наконец решился ему дать урок. "Как, -
говорю я ему, - вы, негодный старишка... - и взял его за плечо (при этом он
сделал на мне повторение манипуляции, - я хоть и не *ramllî*, но чуть не
вскрикнул), - говорили то-то и то-то, да в заседании института, знаете ли, что
таких негодяев, клеветников, как вы..." А старик, перетрусивши, растерялся,
начал извиняться, уверял, что он не то говорил, что он вперед не будет. Я бросил
его и выбежал вне себя на улицу; ветер был скверный, я пришел домой, и на другой
день, *monsieur*, у меня сделалась *pleuresie* [плеврит (фр.)], *monsieur*, и вот
отчего я задыхаюсь. Не будь этот урод такой подлый, я бы ему дал пинка, два
пинка, и этим вся первая буря разрешилась бы покойно и естественно, и у меня не
было бы плерези, и я не задыхался бы! Экой изверг!

А ключей все пет; что же, я буду делать без них? "*Sonnez pour Thomme de charge
trois fois*" ["Коридорному звоните три раза" (фр.)], встав, тихо и торжественно
подошел я к звонку, жму три раза пуговку, входит горничная: "Нет ли, madame,
веревки, перевязать чемодан?" - "*De la ficelle autant que monsieur voudra*"
["Коридорному звоните три раза" (фр.)]. Она приносит веревку, я шарю в кармане,
чтобы сыскать франк, и нахожу ключ. Фу, как глупо! Я с ненавистью посмотрел на
его бородку, на его дырочку, даже швырнул его на пол, потом поднял и бросился в
омнибус. Мелкий дождь, начавшийся с утра, продолжался.

В омнибусе, очень сальном и пропитанном особым, но скверным запахом, который
распускался в весь букет в сырую погоду, были отмежеваны mestechki для тощих и
почти беспозвоночных французов. Втеснись кое-как я открывая окно, я сказал
молодому человеку, сидевшему против меня:

- Как это странно, что в Париже такие же скверные и неудобные омнибусы, как были
лет двадцать тому назад; в Лондоне, в Швейцарии, везде омнибусы гораздо лучше.

- ; :

Молодой, человек сконфузился, даже покраснел. , Г - Да, - сказал он, конечно,
этот омнибус не из лучших, но есть прекрасные другой компании; впрог чем,
обратите внимание на лошадей: какие лошади!

Лошади были посредственные, но патриотизм велик. Что вы сделаете с страной,
которая так упорно, так ревниво, так глупо, так упрямо верит, что она - краса
всей планеты, что Париж - "образцовый хуторок" человечества и фонарь, зажженный
на планете, по свету которого она гордо несется по ее орбите? Дело вовсе не в
том, чтобы быть хорошим или счастливым, а в, том, чтобы веровать в свое
превосходство и счастье.. II Между тем мои соседи - не в омнибусе, а в вагоне -
поразговорились...

- Ну, что же скажете?

- Я боюсь одного, что Прим - *un ambitieux* [честолюбец (фр.)] и эгоист.

- Это может быть. В генералах нет никогда проку... Заметьте, у нас все генералы
были реакционеры: Ла-морисье, Шантарнье, один Шаррае остался верным демократии,
но зато он был полковник, а не генерал.

- Все же он будет вынужден провозгласить республику, а это что-нибудь...

- Никогда не провозгласит, - заметил третий угол несколько хриплым голосом.

Голос этот издавал седой, подстриженный под гребенку господин лет пятидесяти, с
лицом Пелисье.

- Да на какой им черт республика? - одно слово, название! Испании надобно
либеральную власть, порядок и свободу, а не республику. Я знаю Испанию.

- А вы бывали там?

- Да, то есть не то чтобы в самой Испании, но бывал в Байоне. Я работаю в
Маконах и по этой части бывал в Байоне.

- А я так думаю, что если только Англия, стоящая на дороге всякого прогресса, не
воспрепятствует, то испанцы провозгласят республику.

- Вы ошибаетесь самым глубочайшим образом. Испанец слишком горд, чтобы быть без
короля. Гранд какой-нибудь, весь покрытый звездами, как они представляют себя на
фотографических карточках, перешедши спальней Эскуриала, - никогда не согласится
быть простым гражданином.

- Да ведь рано или поздно, - заметил несколько подавленный глубокими
политическими знаниями говорящего молодой человек, - Европа будет же
республикой.

- Европа?.. Никогда, - заметил решительно Пелисье, работавший в Маконах, и даже
проводил рукой, как будто срезывая всякую возможность.

- Что же вы говорите, - а Швейцария?

- Тут-то я вас и ждал. Помилуйте, будто это республика? Я сам бывал в Женеве
насчет божоле [сорт вина], - черт знает что такое. Вся Швейцария клочок земли,
да и то еще негодный, покрытый горами да скалами, и этот клочок разделен на
двадцать, что ли, клочков, из которых каждый, милостивый государь, считает

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru себя, туда же, самодержавным, свободным государством, имеет свой суд, свою расправу - и настоящее правительство не мешайся... Ведь это смешно. Ни силы, ни приличия, ни войска; правительство не пользуется никаким уважением. Знаете ли, кто президент Швейцарского союза?.. Наверное, нет. Да и я не знаю, - вот вам и рас-публика Я люблю, чтобы правительство было правительством, главное чтобы оно действовало, *Faction e'est tout [деятельность - это все (фр.)]*. Где же действовать, когда каждый кантон кричит о себе, тянет на свою сторону? Силы нет, воли нет. Я сам люблю свободу, но надобно признаться: республика не идет как-то к современным нравам, к развитию промышленности и просвещенья.

- Позвольте! А Северные Штаты?

- Я их ненавижу, я... я их терпеть не могу. Для меня люди, занимающиеся одними деяниями выгодами, одной нацией, - не люди. Разумеется, этим торгашам не нужно правительство: им достаточно конторы, фактории. У них нет души, сердце не бьется, нет этого *élan [порыва (фр.)]*, как у нас. Ну, что же, заступились они за Польшу?

Молодой человек, подавленный Пелисье, замолчал и взял газету; я сделал то же. Папа зовет протестантов и католиков на вселенский собор и совет, чтобы положить предел и преграду избалованному уму человеческому, конгресс мира в Берне кладет прочное основание... война готовится со всех сторон... Все мой Пелисье, работающий в Ма-конах...

"Ц у г. В высшее народное училище вызывается учитель чистой математики. Желающий обязан -представить, сверх удостоверения своих знаний, свидетельство в католическом вероисповедании". Вот это хорошо.

"Франция. Две женщины - мать и дочь, обвиняемые содержательницей пансиона, у которой они жили на харчах, в том, что они, вопреки условию, взяли с собой на работу съестные припасы (те, которые они имели право съесть), были, несмотря на честное поведение и крайнюю бедность, осуждены на три месяца тюремного заключения"... И это Аедурно... но скучно, однообразно. Великий Пелисье! действительно, республика не идет к современным нравам. II *faut de Faction!* [Нужна деятельность! (фр.)] III - Все по глупости-с, - оправдывается русский человек, когда ему решительно оправдаться нельзя.

- Ты, стало быть, дурак! - говорит ему на это власть имущий.

- Не всем быть умным, надобно кому-нибудь быть "дураком", - отвечает он, если имущий власть без боя.

Хотя, собственно, настоящей крайности в дураках нет, но, пожалуй, можно согласиться с этим извинением. Только отчего же, в свою очередь, нет такой ясно сознанной потребности в умных? Мудрено ли после этого, что миром владеют "нищие духом", там - как большинство, тут - как один за всех.

В сущности, все делается по глупости, только никто не признается в этом, кроме русского человека, к все ищут всегда и во всем умных причин и объяснений и потому идут всякий раз направо, когда следует идти налево, - и запутываются дальше и дальше в безвыходных соображениях и затемняющих объяснениях.

Люди выбиваются из сил, отыскивая тайные пружины, спрятанные причины, глубокие замыслы, сокровенные связи, злостные цели, коварные планы, обдуманные ковы, - всего этого вовсе нет а Придумано после. Мир идет гораздо наивнее и проще, чем кажется сквозь призму критики и рефлексий.

Девять десятых всех злодейств делаются по глупости и наказываются по двойной, и это - не особенность злодейств, а вообще всех поступков, особенно крупных. В самых решительных событиях жизни ум не участвует или участвует, помогая глупости. Не по уму же люди, например, играют в карты, в карты по уму играют одни шулера, - оттого-то они и выигрывают всегда, пока их кто-нибудь не поколотит по глупости. Не умом же собирал Споржен и легион других торговых богословов в Лондоне тысячи занятых англичан на слушание неимовернейшего вздора, проповедываемого ими.

"Вы, - кричал Споржен в Crystal Palase, - вы, ищашие Со вниманием и-ва дорогую цену ягненка для питания вашего тела и часто обманутые корыстным торговцем, мы вам предлагаем агнца, вечно свежего, в питание души вашей, и предлагаем даром" (он забыл дену ва вход)...

Где же тут искра ума?

Где искра ума в гомеопатии?

Где искра ума в юмопатии и всех заклинателях, вызывателях?

Отчего весь мир видит ясно, просто, что война - величайшая глупость, и идет резаться?..

Мудрено попять, и мудрено-то именно потому, что глупо!

Свет стоит между не дошедшиими до ума и перешедшиими его, между глупыми и сумасшедшими, и стоит довольно давно иочно, если же и не устоит, так не ум же будет в этом участвовать, а бессмысличные физические силы.

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru действуют страсти, страхи, предрассудки, привычки, неведение, фанатизм, увлечение, а ум является на другой день, как квартирный после события; производит следствие, делает опись и в этом еще останавливается на полдороге: ограниченный там - вперед идущими обязательными статьями закона, тут - опасностью далеко уйти по неизвестной дороге, всего больше ленью, происходящей, может быть, от инстинктивного со-знания, что делу не поможешь, что вся работа все же сводится на патологическую анатомию, а не на лечение!

От этой лени и небрежности мы всю жизнь бродим в каком-то приятном полуумраке и умираем в сумрачном мерцании. Все мы ужасно похожи на докторов, довольствующихся знанием, что они и знают, что делают, но что снадобья хороши.

Мы повторяем сто лет, двести лет какой-нибудь вздор и чувствуем, что что-то неладно, да так и идем мимо, за недосугом, страшно озабоченные чем-то другим. Что ?ке это за другое дело?..

Об этом люди еще не подумали, а, должно быть, дело не шуточное!.. IV Поезд остановился. Кто-то стал отворять дверцы вагона; сначала взошел громкий смех, вслед за ним явился небольшого роста свеженький старичок, почти совершенно плеший, с мягкими щеками, топкими морщинами и очками, из-за которых продолжали смеяться серые прищуренные глаза. На нем было два черных сюртука: один весь застегнутый, другой весь расстегнутый, он бросил небольшой мешок в угол и махнул рукой провожавшему его товарищу; тот, все еще смеясь, прокричал: "Вы большой чудак, доктор. Bon voyage, docteur!" [Счастливого пути, доктор! (фр.)] - и ушел..

Доктор протер очки, устроился, протянулся, потянулся и подготовился соснуть, как вдруг мой Пелисье разразился рядом ругательств и, бросая газету, обратился к доктору и ко мне, как к старейшим по летам, с словами:

- Это возмутительно, это черт знает что такое; вот вам французские судьи, которым завидует вся Европа. Представьте себе: этих арабов, людоедов, извергов приговорили не к гильотине, не к смерти, а к каторжной работе. C'est trop fort; да n'a pas de nom! [Это уж слишком; это неслыханно! (фр.)]

Доктор улыбнулся и прибавил:

- Я по профессии за лечение, а не за убийство.
- Да-с, но позвольте, есть справедливость или нет? Есть казнь в законе или нет?

Если есть, то после этого примера кого же прикажете казнить?

- Что за беда, - заметил доктор, - если после этого никого не будут казнить?
Людоедство - вещь пе-чальная, но очень редкая, кроме Африки, а казнят беспрестанно во всем образованном мире и во всем необразованном. Ведь, коли на то пошло, все же больше смысла в том, чтобы убить человека в безумии голода для того, чтобы его съесть, чем убить его на сытый же-яудок и для того, чтобы бросить в яму и залить известью.

"Ну, это - радикал и в самом деле чудак", - подумал я и сложил газету.

На этот раз сконфузился Пелисье. Он долго смотрел, вылупя глаза, на улыбающегося доктора и наконец вымолвил:

- Я вас не понимаю; по-вашему, этим диким зверям так и позволить есть котлеты из убитых детей?

- Я этого не говорил. Да, сверх того, они, наверно, отказались бы от этих котлет, если бы у них были бараньи. Когда человек несколько дней ничего не ел, он ест без спроса.

- Голод - не оправдание.

- Нет, но облегчает виновность, пока нет средств отучить голодных от привычки есть.

- А до тех-пор, как же прикажете наказывать таких извергов?

- Как волков; вы сами называете их дикими зверями, а наказывать хотите, как образованных людей.

- Я никогда не слыхивал ничего подобного, - заметил совсем сбитый с толку Пелисье. - После этого страшно по улице ходить; встретится голодный и откусит палец.

- Полноте. Ведь мы не в Алжире, а во Франции. На что же централизация, цивилизация, полиция, юстиция, администрация? Разве мы не затем жертвуем волей, словом, умом, платим налоги, содержим духовное воинство и светскую армию, чтобы они нас защищали от голодных, диких, воров, безумных людей и бешеных собак? Если человек и умрет где-нибудь на чердаке или в подвале, то он падает жертвой для поддержания порядка. Ни в чем торжество общественного строя не выражается так мощно, как в перенесении нужд до последнего предела. И если у нас умирающий с голода похож на съеденного по иному способу, то он никогда не лишен духовной пищи и похож на тех мучеников, которых нам представляют великие художники, - снизу его обдирают, а сверху его зовет хор летающих ангелов, так что вы по лицу видите, что операция ему скорее доставляет удовольствие.

- Ну, а в Алжире чем вы украсите, выкупите голодную смерть? Там наши французы и

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
те дичают в зуавов.

- Я в такие тонкости не вхожу. Если их религия не удерживает, долг не удерживает, пусть страх казни удержит.
- Пристращать виселицей умирающего с голода трудно, одно - *embarras du choix* [затруднительность выбора (фр.)].
- А позор?
- Это еще мудренее растолковать полудиким. Сегодня одного расстреливают за побег из какого-нибудь легиона, куда его взяли насилием с обязанностью убивать кого попало, завтра будут вешать фатиму за людоедство, - толкай им различие. Для их тупости им все кажется, что они побежденные и падают на поле сражения.
- Vous vous moquez du monde [вы издеваетесь над миром (фр.)]. Нашли, что защищать, - заметил уже взволнованным голосом Пелисье.
- Я согласен с вами, - отвечал, смеясь, доктор, - что лучше было бы всей семье, проголодавши месяц и ничего не евши четыре дня, завернуть головы в бурнусы и умереть. Да как им растолковать корнелевское "qu'il mourut" ["умереть!" (фр.)]!. Для того чтобы они поняли, надобно их непременно откормить, а откормишь их - они не станут есть соседних детей. Это - логический круг! - И веселый доктор опять расхохотался. - Посмотрели бы вы своими глазами на этих урабов, как их называл один солдат, которому я резал ногу.

- А вы бывали в Алжире? - спросил Пелисье, усталый и очень встревоженный болтовней доктора.

- Лет десять жил там полковым врачом сначала, потом в лазарете. Кстати, я вспомнил этого солдата, расскажу вам лучше пресмешной анекдот об нем. Старый солдат, - он еще при Бюко делал всякие экспедиции, наконец-таки потерял ногу. Долго лежал он в лазарете и ужасно любил рассказывать свои похождения. Приходя раз в палату, фельдшер катается хохочет. "Доктор, говорит, сделайте одолжение, попросите ветерана рассказать историю, которую он сейчас кончил". - "Eh bien, mon vieux" ["Ну-ка, старина" (фр.)], - говорю я и сел возле койки. Он поломался, как вызванная певица. "Самая обыкновенная история; это молодежь все хохочет, неопытность, ничего еще не видела". - "Ну, да вы историю-то", - говорю я ему. "Это было уже давненько. Мы стояли близ Орана; дела никакого не было... Люди сильно скучали; продовольствие было скверное. Капитану жаль нас стало. Хотел позабавить солдат и велел охотникам сделать небольшую *razzia* [набег, облава (ит.)] на урабскую деревушку и тем способом отогнать баранов. Деревушка не то чтобы бунтовала, - так, не любила нас, ну, мы, разумеется, и усмирили. Урабы, это - народ коварный, лукавый; силой не взяли, а внутри хранили злобу. Недели через две они подстерегли одного из наших, который баранов отгонял, - веревку ему на шею да на большой дороге и повесили. Капитан, разумеется, делает рапорт-полковнику. Полковник въబесился; приказывает отыскать во что бы ни стало убийцу. Ну, где его сыщешь, - все эти у рабы на одно лицо, и не то что наши - не выдают друг друга, - к тому же уйдет в горы - и поминай как звали. Посыпает капитан меня и двоих солдат: "Приведите непременно убийцу, хоть из земли достаньте". Походили мы день, другой, - ни слуху ни духу. С пустыми руками возвращаться к начальству неловко. Сели мы эдак на дороге и рассуждаем. Вдруг нам навстречу спускается какой-то ураб. Один из товарищей - проказник был большой - и говорит: "Бог нам послал его на выручку", - да с тем бросился на ураба, за горло его и кричать; "Зачем убил нашего солдата?" ураб - руками, ногами; мы его повалили, связали и представили. Капитан доволен, нас с убийцей к полковнику, полковник сам вышел: "Люблю, говорит, молодцы!.." Нарядили тотчас суд. Привели нашего урата. Полковник рассвирепел, кричит на него: "Зачем ты, собака, убил фузильера?" [стрелка, солдата (от фр. fusilier)] Тот ему отвечает, - то есть ничего не отвечает; он по-французски ни слова не знал, а бормочет что-то да руками разводит и показывает на небо. "А, - говорит полковник, - так он еще запирается!" взял да и приговорил его к расстрелянию. Ну, его и расстреляли. А уж потом как мы хохотали, - убил-то фузильера не он, а совсем другой". Ну, господа, извините, одиннадцать часов, пора спать... - и доктор задернул лампочку, освещавшую вагон. В казино, под пение чувственного и разбитого тенора, под говор играющих в карты, под шелест женских платьев и шум бегающих гарсонов, какой-то господин спал за листом газеты. Над газетой было видно что-то вроде лоснящегося струсового яйца, и но нем-то я узнал защитника алжирских людоедов, ехавшего со мной в вагоне.

Когда доктор проснулся, я завел с ним речь и, между прочим, напомнил ему о том, как он встревожил Пелисье, "работающего в Маконах".

- У меня такая глупая привычка, - сказал доктор, - и, несмотря на лета, она не проходит. Меня сердит театральное негодование и грошовая нравственность этих господ. Долею все это - ложь, комедия, а долею - того хуже: они сами себя уважают за то, что не наделали уголовщины; им кажется достоинством, что, выходя

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
от Вефура, они не едят детей и, получая десять процентов с капитала, не воруют
платки. Вы - иностранец, вы мало знаете наших буржуа *pur sang* [чистокровных
(фр.)].

- Догадываюсь, впрочем.

- Я в вагоне рассказал алжирскую шалость, когда-нибудь я вам расскажу и не такие
проказы парижан. Тут поневоле забудешь фатиму и ее голодную семью... Мне, на
старости лет, всего лучше идет роль того доктора, который ходил в романе
Альфреда де Винни лечить рассказами своего нервного пациента от "синих
чертиков". Жаль, что я не так серьезен, как мой собрат.

- Я лечусь у вас у одного, доктор, к тому же я у меня головные боли без
нервности и без всяких голубых и синих чертей.

...Семь часов утра. Проклятый дождь, не перестает четвертый день, мелкий,
английский, с туманом... воздух точно распух. Здесь такой дождь не на месте -
сердит.

И какая скверная привычка у кошек петь ночью свои нежности; истинная любовь
должна быть скромнее.

А может, доктор столько же виноват в моей бессоннице, сколько кошки и дождь?
Порассказал он мне вчера удивительные вещи. Какой шут, однако ж, человек: живет
себе припеваючи, зная очень хорошо, что за картонными и дурно намалеванными
кулисами совершаются вещи, от которых волосы не станут дыбом разве у плешихих, у
прежних наших помещиков и у юго-американских охотников по беглым неграм. Много
он видел и много думал; его несколько угловатый юмор ему достался не даром.
Когда другой доктор, и именно Трела, был министром внутренних дел, он его
посыпал по тюрьмам, где содержались побежденные работники в ожидании ссылки без
суда. Он с Корменен был в тюльерийских подвалах, в фортах и один в марсельском
Шато д'Иф. В декабрьские дни 1851 он попался, неосторожно перевязывая своему
товарищу рану, нанесенную жандармом, и за это был приговорен к Кайенне. В
понтонах военного корабля, стоявшего наготове в Брест, его случайно нашел
адмирал, у которого он спас дочь, и выхлопотал ему дозволение ехать в Алжир. Его
рассказ я непременно запишу, по не сегодня: сегодняш я в дурном расположении,
скажешь что-нибудь лишнее, а это грешно.

Пойду обедать в маленький ресторан напротив.

Надобно сказать, что здесь обедают под скромным названием завтрака в
одиннадцатом часу - не вечера, а утра! И может, это меньше удивительно, чем то,
что я ем, как будто всю жизнь прямо с постели садился за стол. А говорят, что
болен!

Меня одно лишает аппетита - это *table d'hote* [обед за общим столом (фр.)],
затем-то я и хочу идти в небольшой ресторанчик. Мне за *table d'hot'*ом все
ненавистно, начиная с крошечных кусочков мяса, которые нарезывает скупой за
хозяина, напомаженный и важный обер-форшнейдер, до гарсонов, разодетых, как
будто они на чьих-нибудь похоронах или на своей свадьбе, до огромных кусков
живого, но попорченного мяса (дело на водах), одетых в пальто и поглощающих
маленькие кусочки, одетые в соус... Мне совсем не нужно знать, как ест этот
худой, желтый, с какой-то чернью на лице нотариус из Лиона, ни того, что синяя
бархатная дама в критических случаях вынимает целую челюсть зубов, жевавших
когда-то пищу другому желудку. А тут еще англичанин, который за десертом полощет
рот с такими взрывами гарваризаций, что кажется, будто в огромном кotle закипает
смола или какой-нибудь металл... Словом сказать, я ненавижу *table d'hote*. И в
ресторане едят другие, но они сами по себе, а я сам по себе; а за *table d'hot'*ом
есть круговая порука, какое-то соучастие, прикосновенность, незнакомое
знакомство и, в силу его, разговор и взаимные любезности.

два часа. День на день не приходится. Сегодня я и в маленьком ресторане почти
ничего не ел. Стыдно сказать отчего. Я всегда завидовал поэтам, особенно
"антологическим": напишет контурчики, чтоб" было плавно, выпукло, округло,
звукично, без малейшего смысла: "Рододендрон-Рододендрон" и хорошо. В прозе люди
требовательнее, и если нет ни таланта, ни мысли, то требуют хоть какого-нибудь
доноса. А мне именно приходится написать такую "антологическую прозу".

Передо мной в ресторан вошла женщина с двумя детьми в трауре и с ними высокий
господин, тоже в черном.

Возле столика, за который я сел, обедали четыре *sot-mis voyageurs* [коммивояжера
(фр.)] из Парижа; они толковали свысока о казино и с снисхождением о певицах, в
которых ценили вовсе не голос, - они говорили что-то друг другу на ухо и
разражались вдруг громким хохотом.

Слушать и смотреть на комми *en neglige* [неглиже (фр.)]; здесь: в неприкрашенном
виде] между собой - моя страсть, но мне не долго пришлось питать ее.

- Ты плачешь? - спросила женщина в трауре. Мальчик лет восьми-девяти поднял на
нее глаза, полные слез, и сказал:

- Нет, нет!

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Мать взглянула на мужчину, улыбаясь: она, видимо, извинялась за слезы ребенка.
Мужчина положил ему большой кусок чего-то на тарелку и прибавил:

- Будь же умен и ешь.
- Я не хочу есть, - отвечал мальчик.
- Мой друг, это глупо, - сказал мужчина.
- Ты с утра ничего не ел, кроме молока, - прибавила мать и просила взглядом, чтобы мужчина ел. Мальчик принялся за котлету, взглянув на мать с невыразимым горем; крупная слеза капнула в тарелку. Женщина и господин сделали вид, что не заметили, и начали говорить между собой. Другой ребенок - гораздо моложе - болтал, шумел и ел. Мать погладила старшего, он взял ее руку и поцеловал, задержав слезы.

"Башмаков не успела она износить" - и маленький Гамлет это понял.

Господин велел подать какого-то особенного вина, чокнулся с матерью и, наливая детям, улыбаясь, скавал старшему:

- Не будь же плаксивой девочкой и выпей браво твое вино.

Мальчик выпил.

Когда они пошли, мать надела на мальчика шарф, чтобы он не простудился, и обняла его. В ее заботе было раскаянье и примирение с собой, - она, казалось, просила прощенья, пощады - у него и у него.

И может, она во всем права.

Но мальчик не виноват, что помнит другого, что ему хотелось доносить башмаки - и что новые его жали, так, как не виноват в том, что испортил мне обед.

Пойду в Казино искать доктора; он, наверно, спит или читает какую-нибудь газету. VII - Скажите, доктор, как вы при всем этом сохранили столько здоровья, свежести, сил, смеха?

- Все от пищеваренья. Я с ребячества не псыпто, чтобы у меня сильно живот болел, разве, бывало, обгъ-ешься неспелых ягод. С таким фундаментом нетрудно устроить психическую диету, особенно с наклонностью смеяться, о которой вы говорили. Человек я одинокий, семьи нет. Это с своей стороны очень сохраняет здоровье и аппетит. Я всегда считал людей, которые женятся без крайней надобности, героями или сумасшедшими. Нашли геройство - лечить чумных да под пулями перевязывать раны. Во-первых, это всякий человек с здоровыми нервами сделает, а потом выждал час, другой - перестанут стрелять, прошло недели две - нет чумы, аппетит хороший, и кончено. А ведь это подумать страшно: на веки вечные, хуже конскрипции [войнской повинности {от лат., conscriptio}] - та все же имеет срок. Я рано смекнул это и решился, пока розы любви окружены такими бесчеловечными шипами, которыми их оградил, по папскому оригиналу, гражданский кодекс, я своего палисадника не заведу. Охотников продолжать род человеческий всегда найдется много и без меня. Да и кто же мне пору "ил продолжать его и нужно ли вообще, чтобы он продолжался и плодился, как пески морские, - все это дело темное, а беда семейного счастья очевидна.

- Что вы на это решились, дело не хитрое, хитрое дело в том, что вы выдержали. Впрочем, тут темперамент.

- Темперамент - темпераментом... ну, однако, без воли ничего не сделаешь. Вы, может, думаете, что монахи первых веков были холодного темперамента? Все зависит от того, что приму играет, да от воспитания воли.

- Однако, доктор, вы верите, кажется, в *libre arbitre* [свободу воли (фр.)], - это почти ересь!

- *Libre arbitre*, воля... все это - слова. Я не верю, а вижу, что если человек захочет стоять на столбе - прстоит, захочет есть траву и хлеб - и ест одну траву да хлеб возле жареных рябчиков. А чем он хочет, воле, и/or неволей, это все равно. Конечно, воля пе с оеба падает, а так же из нерв растет и воспитывается, как память и ум; главное дело в том, что она воспитывается. Человек привыкает попридерживать себя или распускаться, давать отпор внешнему толчку или пасовать перед каждым. Всякий может сделаться нравственным Митридатом и выносить яды жизни, лишь бы оба пищеварения были исправны.

- Как, уж два пищеварения?

- Непременно! Желудочное и мозговое. Без хорошего мозгового претворенья и с хорошим желудком далеко не уедешь. Без него нельзя понять, что съедобно и что несъедобно, что существенно и что нет, что необходимо и что безразлично, наконец, что возможно и что невозможно. Без здорового мозга мелочи и призраки заедают людей и портят им желудок. Мелочам конца нет, как мухам, прогнал одних - другие насили; а призраки хуже мух: это мухи внутри, их и прогнать нельзя, разве одним смехом. Но люди не понимающие - больше люди угрюмые, серьезные - все берут к сердцу, всем обижаются, ни через что не умеют переступить, ни над чем не умеют смеяться, смех просто их оскорбляет. Года два тому назад умер один из старых товарищей моих, известный хирург, и умер оттого, что его не позвали к принцессе, сломавшей ногу, В начале его болезни я зашел к нему. Два часа битых толковал он

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
мне, желтый, исхудалый, с своих правах на принцессину ногу и все повторял одно и то же на сто ладов. Человек лет семидесяти, большая репутация, большое состояние, - ну, что ему было так скрушаться о принцессиной ноге; сломит еще кто-нибудь из них ногу или руку - они же теперь все сами кучерами ездят. - пришлют и за ним. Я постарался навести его на другой разговор. - куда, все свое говорит. А тут вошел мальчик и подал газету; больной взял ее, что-то прочел, глаза его сверкнули, губы затряслись, и он, улыбаясь, ткнул пальцем в газету и сунул мне ее в руку. Лента Почетного легиона была дана хирургу, починившему ногу принцессы. Чтоб бедняка как-нибудь рассеять, я ему говорю: "Погода сегодня славная, поедемте-ка в Анкер, у меня там есть знакомый chef [главный повар (фр.)], отлично делает бульябес и котлеты a la Soubize. - "что вы, говорит, смеетесь надо мной, у меня желудок ничего не варит, а вы потчуете провансальской кухней? Это вы, cher ami [дорогой друг (фр.)], уж не утешаете ли меня в ленте... ха-ха-ха!.. Нужно очень мне ленту, мне досадно, мне больно, что во мне оскорблены права, заслуги тридцатилетней деятельности... а лента... ха-ха-ха... Хорошо выдумали: a la Soubize... чеснок - это почетный легион провинциальных cordon bieu [кухарок (фр.)]!", - и он расхохотался, уверенный, что сделал чрезвычайно ядовитый и удачный каламбур. Дело пропащее: ни мозг, ни желудок не находятся в исправности, какой же тут может быть выход. Заметьте мимоходом патологическую особенность, что люди большей частью выносят гораздо легче настоящие беды, чем фантастические, и это оттого, что настоящими бедами редко бывает задето самолюбие, а в самолюбии источник болезненных страданий. Наши братья обыкновенно мало обращают внимания на душевную причину болезней, да если и обращают, то очень неловко, оттого и лечение не идет. Для меня тип докторского вмешательства в психическую сторону пациентов составляет серьезный совет человеку, дрожащему и обезумевшему от страха, - не бояться заразы. Настоящий врач, милостивый государь, должен быть и повар, и духовник, и судья: все эти должности врозь - нелепы, а соедините их - и выйдет что-нибудь путное, пока люди остаются недорослями.

- Итак, после теократии патрократия; вы не метите ли, как ваш предшественник, доктор Фрапселя, в генерал-штаб-архиатры врачедержавной империи?

Человек наделал мерзостей, его отдают в судебную лечебницу, и дежурный врач приговаривает его к двум ложкам рицинового масла, к овсяному супу на неделю или, в важном случае, к ссылке месяца на три в Карлсбад. Осужденный протестует, дело идет в кассационный медицинский совет, и он смягчает Карлсбад на Виши.

- Смейтесь, сколько хотите, а что же, лучше, что ли, запирать в Мазас, посыпать в Кайенну и вместо рицинового масла прописывать денежные штрафы? Но до пришествия царства врачебного далеко, а лечить приходится беспрерывно, и я на долгой практике испытал, что знай себе как хочешь терапию, без - как бы это сказать - без своего рода философии...

- У вас она есть, доктор, это я еще в вагоне заметил, и преоригинальная

- Худа ли, хороша ли, но я не нахожу надобности менять ее.

- Как же вы дошли до нее?

- Это длинная песня.

- Да ведь времени довольно до второго стакана.

- Вы подметили, что я люблю поболтать, в эксплу-а гируете меня.

- Лучше же болтать, чем играть целое утро и целый вечер в домино, как наши соседи.

- Эге, так вы еще не освободились от порицаний и пересуд безразличных действий людских. Не играй они в домино, что же бы они делали? Жизнь дала им много досуга и мало содержания, надобно чем-нибудь заткнуть время утром до обеда, вечером до постели. Моя философия все принимает.

- Даже алжирское людоедство?

- Она только зацепляется за европейское. Дошел я до моей философии не в один день, да и не то чтобы вчера. Первый раз я порядком подумал о жизни лет сорок тому назад, шедши от Шарьера; фирма его и теперь делает превосходные хирургические инструменты, может, лучше английских, - вы это аа всякий случай заметьте - прямо по Rue de l'Ecole de Medicine [улице Медицинской школы (фр.)] в окнах увидите всевозможные пилы, ножницы. От Шарьера я вышел часов в пять с сильным аппетитом и пошел Au boeuf a la mode, возле "Одеона", да вдруг среди дороги остановился. и, вместо Au boeuf a la mode, повернулся в Люксембургский сад. У меня в кармане не было ии одного су! Какое варварство, что часть этого сада уничтожают; ведь в таком городе, как Париж, такие сады - прибежище, лодки спасения для утопающих. Иной, без сада, походит по узким переулкам, вонючим, неприятным, да прямо и пойдет в Сену; а тут по дороге сад, воробы летают, деревья шумят, трава пахнет, ну, бедняк и ее пойдет топиться. Вот тут-то, в саду, на пустой желудок, я и расфилософствовался.- Ну, думаю, почтенные родители

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru очень бесцеремонно надули тебя в жизни; без твоего спроса и ведома втолкнули тебя в какой-то омут, как щенят толкают в воду: "Спасайся как знаешь, а не то тони". Как я ни думал, вижу, выплывать надобно. Надобно затем, зачем и щенок барахтается, чтобы ее идти ко дну, - просто привык жить. До этого случая нужда меня не очень давила. Прежде мне из дома посыпали немногого денег. Отец мой умер года четыре тому назад, все поправлял какие-то бреши в состоянии, сделанные спекуляциями, и кончил свои поправки тем, что ничего не оставил. У него был брат, старый полковник, обогатившийся на войне и имевший деньги в амстердамском банке; он помогал нашей семье и радовался моей карьере, говоря, что Наполеон уважал Ларре и Корвизара. Разумеется, он мысленно меня назначал в полковые доктора. О дяде я должен вам рассказать кое-что. Меньше меня ростом, с огромной львиной головой, седыми всклокоченными волосами и черными усами, которые он подстригал под щетку, он был отчаянный бонапартист, никогда не давая себе никакого отчета, что, собственно, было хорошего в империи. Подумать об этом ему казалось бы святотатством. После июльской революции он с презрительной улыбкой говорил: "Это все не то, это ненадолго!", пристегивая толстую трость с белым набалдашником к верхней пуговице сюртука, застегнутого по горло. "Мы этих barbouilleurs de lois [законников-болтунов (фр.)], этих подъячих, адвокатов в Сену бросим; люди без сердца, без достоинства; нам надобно империю, чтобы отомстить за 1814 и 1815 годы".

- И, - заметил я, - утратить те небольшие свободы, которые приобрели на баррикадах.

- Что? - закричал дядя, и лицо его побагровело. - Что? Как, у меня в доме!.. Что ты сказал?

Я с ним никогда не спорил и тут уступил бы, если бы он не взбесил меня криком, а потому я повторил сказанное.

- Кто ты такой? - кричал полковник, свирепо подходя ко мне и отвязывая палку от пуговицы совершенно безуспешно: палка вертелась, как веретено, и все туже прикреплялась к пуговице. - Ты сын моего брата или чей ты сын? Чей?.. Развратили мальчишку эти доктринеры. Неужели ты не чувствуешь кровавую обиду вторжения варваров в Париж, des Kalmick, des Kaiser-lich [калмыков, пруссаков (фр.)], и проклятый день ватерлооской битвы?

- Нет, не чувствую! - сказал я хладнокровно и совершенно искренно.

Лев отпрянул, отдулся и тем голосом, которым командовал "en avant" ["вперед" (фр.)] своему отступившему полку под Лейпцигом, закричал: "Вон, вон из моего дома!"

Я вышел, - и с тех пор от дяди ни гроша. Он только матери написал письмо, исполненное сожаления (а отчасти и упреков), что она родила и воспитала изверга, который не принимает ватерлооскую битву за лично ему данную пощечину и не стремится ее отомстить. "Куда мы идем с такой негодной молодежью?" - заключил лев. Мать моя могла что-нибудь посыпать иной раз, но я не хотел: у нее самой едва в хозяйстве концы сводились.

Походил я в саду на тощий желудок и вспомнил старого фармацевта, искавшего помощника. Я прямо к нему, нанялся из-за обеда и постели, стоявшей между кухней и лабораторией. Месяца четыре я вынес, но потом терпенье лопнуло. Старик, полуслепой, полуглухой, с деньгами и без наследников, дрожащими руками обвешивал на всех медикаментах; ну, на какой-нибудь соли, которой унц стоит двадцать сантимов, и на той украдет на полсантима. Мне было это очень противно, и я только скрепя сердце молчал. Наконец старый отправитель говорит мне и раз и два: "Вы вешаете без всякого расчета, вы меня разоряете! Вы должны с меня пример брать". - "Послушайте, почтенный реде Philippe [отец Филипп (фр.)], я глупые микстуры делать готов, а воровать на весе не хочу; разве не довольно с лишком 50 процентов да taxa laborum?" [плата за труд (лат.)] - "А я, - сказал старик, кашляя, задыхаясь и утирая грязным платком давно вертевшуюся табачную каплю на конце носа, - а я у себя в доме хочу быть хозяином и всякому студенту bon a gien [ни на что не годному (фр.)] не позволю делать дерзкие замечания". "Особенно, - заметил я, - когда они справедливы". Затем я взял шляпу и, насвистывая песню, пошел вон. Это был второй урок философии. VIII - Третий урок образовал меня по сердечной части.

- Тут-то я вас и ждал.

- И совершенно ошибетесь. В моей жизни все было очень просто, и роман мой меньше сложен, чем все повести, перемежающиеся по фельетонам газет. Года три после того, как я бросил старого отправителя, был я интерном в Maternite [родильном доме (фр.)] и на дежурстве.

- Помилуйте, доктор, там часто оканчиваются роI маны, но ни один, сколько я знаю, не начинался.

- А мой не только начался, но почти и кончился в этом "арьергарде любви", как ее называла madams Обержин, с которой я вас сейчас познакомлю. Провозился я целый

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru день и, усталый как собака, бросился на диван, закурив трубку и взяв книгу Сивьяля о болезнях мочевых путей. Едва я успел заснуть и выронить трубку и книгу, кто-то дернул за колокольчик. "Это вы, бригадье?" - кричу я ему, то есть нашему сторожу или консьержу, которого шутя мы называл л "бригадье" за его необыкновенно военную и суровую посадку. Мы, смеясь, говорили, что правительство его намеренно посадило консьержем в Maternite для того, чтобы отстраивать родильниц и делать их больше осторожными. "Я, говорит, я".

- Что у вас?

- Пожалуйте сейчас в № 21.

- Не дадут, проклятые, уснуть. Вы бы прикрикнули, бригадир, куда торопиться, могла бы подождать до утра. А что, madame Обержин там?

- Она-то и послала за вами.

Я вытер лицо мокрым полотенцем и побежал в № 21, Madame Обержин сидит, по обыкновению, расставивши ноги. Она столько учила-своих пациенток сидеть на больничных креслах, что сама приняла эту посадку. За занавесью слышно, кто-то охает и стонет слабо, очень слабо. "Никакой силы нет, - говорит шепотом madame Обержин, - и ребенок неправильно лежит". - "А вот мы его научим шалить до рождения", - говорю я ей. Madame Обержин, старшая повивальная бабка наша, бы-ла отличнейшая женщина и со всеми нами приятель и товарищ.. Через ее руки прошли не только несколько поколений, нечаянно родившихся в Париже, но два-три выпуска интернов. Жирная, рослая, сильная, всегда готовая вратить вздор, смешить и хотеть, никогда не заспанныя и всегда готовая уснуть, она, как нарочно, была создана для своей должности. Смолоду, вероятно, она не только принимала детей, но страсти мало-помалу ушли в жир, а если случались кой-какие безделицы, то это уж как *hors d'oeuvre* [Здесь: случайный эпизод (фр.)]. Удивляться нечему, самые пashi занятия наводили на щекотливые предметы, да и потом ночи, целые ночи, просиживаемые в ожидании... Как живая, она передо мной, с ее серыми смеющимися глазами, с белокурым усом на одной губе и клоком таких же волос на противоположной стороне подбородка; этот клочек она любила крутить, как гусар, - славная была женщина!

Подхожу я к кровати, отдернул немногого занавес и' говорю: "Извините, сударыня, я пришел подать вам нужную помощь!" Молодая женщина закрыла лицо и рыдала.

"Успокойтесь, - говорю я ей, - хлебните немного воды".

- Я очень страдаю, - отвечала она едва взятым образом, - и очень боюсь.

- Верю, верю, но это гораздо легче, чем вы думаете; не вы первая, не вы последняя, du courage [смелее (фр.)], дайте-ка вашу руку, - эге, да у вас препорядочная лихорадочна, - и я попросил madame Обержин приблизить свечу. Испуганное, болезненное лицо больной каким-то гаснущим взглядом просило у меня помощи... и... и прощенья. Такого выраженья я никогда не видывал, я даже смущился. Роды были тяжелы, мучительны, долги. Наконец, "рекрут", как madame Обержин называла всех новорожденных мужского пола, хлебнул воздуха и запищал. "Что, кисло и холодно? - проговорила madamo Обержин, пошлепывая его и повертывая с необыкновенной ловкостью, приучишься и кислым дышать".

- Ну, - прибавила она, обращаясь ко мне, - что вы уставили глаза на родильницу, осматривайте, годный ли рекрут.

- Он-то годен, а вы посмотрите сами ва больную: как свеча на дворе, того и гляди потухает при легчайшем ветерке.

- Да она и то чуть ли не умирает, - сказала madame Обержин и сама взяла ее руку, чтоб узнать, как бьется пульс.

Мы сделали, что могли, чтоб задержать отлетавшую жизнь: наконец, она раскрыла глаза, слабые, мутные, долго вглядывалась и потом едва взято спросила: "Где?" Я взял у madame Обержии "рекрута" и поднес ей; она зарыдала и опять лишилась чувств. Умирающая, хрупкая, тщедушная женщина сильно потрясла меня. Видал я и прежде нее я родильниц и красавиц. Какие красавицы лежали у нас в отель дье; была одна креолка - фу!

Я невольно улыбнулся, думая, в каких необычных местах доктор мой изучал прекрасный пол и его красоты.

- Словом, видал довольно, но ни одна ее сделала на меня такого впечатления. Я почти не отходил от больной. Старуха наша все заметила и дня через два говорит мне, ущипнув плечо: "Вероломный Артур! И ты туда же, хочешь фуражировать в нашем арьергарде, *glander* [подбирать, поживиться (фр.)] на поле битвы, между ранеными и убитыми - ха-ха-ха!" И смех, и слова неприятно подействовали на меня, я как-то отшутился и ушел в свою комнату; хотел позаняться, отдохнуть и, не знаю как, часа через два очутился опять в № 21. Madame Обержин спила на кушетке, окончив свою третью чашку кофе, в который она прибавляла, чтоб не сильно действовал на нервы, бенедиктинской водки; я обрадовался ее сну и

на цыпочках подошел к больной. Спала и она: если б не легкое, едва уловимое дыханье, можно бы положить в гроб. Я скрестил руки и смотрел, смотрел. - что за

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
чистые линии, что за профиль! После я видел что-то такое в картинах Ван Дика, в головках Андреа деть Сарто; красота - вообще сила, но она действует ао какому-то избирательному сродству.

Я магнетизм отрицаю, а, пожалуй, тут есть что-нибудь похожее на магнетизм. Красота и звук голоса - принадлежности чисто личные и действуют тоже сове *wi* лично; ум, знание и все такое - мое и не мое, а черты мои, мой голос - совершенно мои. Мне всегда ка м-лось, что именно по их личности и переходимости они и действуют так неотразимо на нашу страстную, то есть тоже личную, сторону. Пока я стоял и смотрел, то есть все больше и больше подвергался влиянию магнетизма, *madame* Обержин подкралась ко мне и говорит: "Tu es bien done pince, mon petit chat? [Значит, ты порядочно ущемлен, мой котик? (фр.)] Придется мне тебе помочь, коварный изменник!" Я взял ее руку и в каком-то азарте отвечал ей: "Помощи мне никакой не надобно, по я чувствую, что стою на краю пропасти!" Добрая женщина посмотрела на меня с каким-то материнским участием и с тех пор пи разу не заикалась об этом. Больная поправлялась медленно. Тяжелая плита лежала на ее груди, и, по мере того как грудь становилась крепче, плита давила тяжелее. Никто не приходил навестить бедняжку, справиться, жива ли она; никто не писал, не сделал опыта что-нибудь прислать, как обыкновенно делают, - варенья, конфект. Между тем подошло время выписываться. Тревога и горе росли. После долгих усилий она мне призналась, что ей просто некуда идти, что матери ее пет в Париже, а что он оставил ее, - "не по моей вине", прибавила она, заливаясь слезами. Что тут было делать? Спасти ее надобно, было, - я предложил ей переехать к знакомой мне старушке. Не принять она не могла, иначе ей пришлось бы переехать на улицу. В небольшом переулке Латинского квартала вылечил я как-то случайно, долго пичкая, одну старушку; она была одинокая, вся в ревматизмах, но умереть боялась ужасно. Она имела ко мне собачью привязанность и была уверена, что я один могу еще раз вылечить от смерти. Она отдавала втаймы довольно удобную и светлую мансарду. Ходить в нее надобно было через какой-то чердак, в котором вечно висело сырое белье и пахло щелоком, - но на войне как на войне, - в самой комнате было недурно. Перевез я туда мою вандиковскую головку и ее рекрута. Что же, в самом деле, родился без отца, так и погибать? Вы, пожалуйста, не полагайте, что я хочу похвастаться особенной доблестию, - все такого рода подвиги подтасованы: по пристрастию к матери одни без смысла любят ее детей, другие ненавидят. Вандиков-ская головка никогда, пи разу не номинала даже издали об отце ребенка. Я на одним словом, не заикался о моей любви. Она удивляла меня: в ней все было полно такта, грации, чуткости. Только в Париже, и притом в прежнем, не перестроенном, не вновь крещенном, а в старом, полуязыческом Париже встречались такие чудеса. Я проводил с ней вечера, читал ей Бальзака и Гюго; чуть ли это не было лучшее время моей жизни, вроде весеннего утра - теплого, светлого, по в котором еще чувствуется свежесть; да оно и прошло, как мартовское солнце. - Доктор приостановился. - Вы, верно, не ждете, что мы при развязке?

- Конечно, нет.

- Прогало около месяца. Маргарита, так звали вандиковскую головку, настолько оправилась и окрепла, что стала выходить в хорошую погоду. Раз возвращается она домой страшно расстроенная, на лице мертвая бледность и пятна, руки дрожат. Я хотел спросить, но, взглянувшись, до того испугался, что не нашел слов. Она бросилась к ляльке, взяла рекрута и зарыдала истерически. Теперь, думаю, будет легче. И, в самом деле, она через две-три минуты взяла мою руку и сказала: "я видела его... он... он требует, чтоб я малютку отдала в воспитательный дом; он прежде говорил это, с этого началась нашассора. Будто малютка может мешать. Он его даже не видел ни разу и говорил об нем так холодно, так равнодушно. Он негодяй!" вскрикнула она и прижалась к себе ребенка, как будто его вырывали у ней силой. Потом бросилась на колени передо мной и, захлебываясь слезами, говорила: "Ты, ты меня не разлучишь с ним, ты так добр, - о, я тебя знаю, я все оценила, я оценила твое молчание. Ты Меня любишь, возьми меня, спаси меня и ею, я буду тебя любить, не отнимай у меня ребенка!" - и она положила его мне на колени и рыдала, ухватившись обеими руками за меня. Я взял малютку; слезы катились из глаз моих. Она встала, взглянула на меня, улыбнулась, да, улыбнулась с каким-то торжеством и бросилась ко мне на шею. Я уложил ее в постель, укрыл и вышел на улицу, - я не мог не выйти! Прощаясь, она мне сказала: "Ты мне прости, не сердись, ведь я сумасшедшая!" И вот я опять очутился в пустынных аллеях Люксембургского сада; свежий ночной ветер пронимал, но мне было не до того; я сел на скамью; что происходило во мне, этого, я думаю, и Бальзак пе мог бы описать, а у него именно был талант описывать эти сложные, мудреные блаженства, сбывающиеся на страдания, и страдания, сбывающиеся на блаженства. Для меня было ясно, что в ней говорило *depit* - оскорблена мать, она бежала от него ко мне, она пряталась за меня с своим рекрутом, но горячие губы ее горели на моей щеке, но горячие слезы едва обсохли на ней, но она улыбалась мне, и будто можно любить такого негодяя - она

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
его так называла? Когда я пришел к ней, было уже утро. Дело приняло плохой
оборот. Лихорадочное молоко отравило ребенка, он кричал и бился в корчах;
выбившись из сил, он уснул; уснула и мать. Я взял ребенка на руки, - он все
спал, долго спал; потянулся раза два и стал тяжелее и холоднее. Тихо, тихо
положил я его в люльку, покрыл и сел у изголовья матери. Она проснулась, - мое
лицо, тишина; она бросилась к люльке и с криком грохнулась без чувств на землю.
На другой день она была в белой горячке.

- И умерла? - спросил я.

- Нет, она выздоровела и потом ушла к "отцу рекрута", выбывшего из строя, -
препятствий больше не было. Ей не легко было покинуть меня, она писала мне
письмо - Ж. Санд такого не напишет, - потом забыла, да и я ее потом забыл. IX И
вот мы опять несемся, поправивши и укрепивши наши пищеварения и кровотворения, в
обратный путь, и я с ужасом думаю, что в Лионе придется расстаться с доктором:
он поедет направо, я - налево. Со мной целая тетрадь, в которую я внес половину
его рассказов и, главное, его подстрочных замечаний к ним. Со временем и я издам
"Слышанное и незабытое, записанное и напечатанное - из воспоминаний другого".,

- Вы зачем это записывали? - спросил доктор.

- Такая мода теперь у нас. С тех пор, как суд из письменного сделался словесным,
мы все словесное записываем.

- И печатаете потом?

- Отчасти, отбравши плевелы.

- Какая же польза от этого? Совсем не нужно печатать так много.

- Все для исправления нравов.

- Книгами-то! Хорошо выдумали. Во-первых, книг никто не питает.

- А во-вторых, любезный доктор, книг читают очень много.

- Ну, то есть "никто" в пропорции к вовсе неграмотному большинству, к
большинству едва грамотному и к большинству грамотному, но не берущему никаких
книг в руки, кроме приходо-расходных. А во-игорых, хотел я сказать, людей совсем
не надобно исправлять и переиначивать. Оно же и не удается никогда. Умнее
станут, - сами кое в чем поисправятся, хотя вес же останутся людьми, а так с
чего же? Для удовольствия моралистов? И то нет. Начни люди в самом деле
исправляться, моралисты первые останутся в дураках, кого же тогда исправлять?

- Отчего же вы не можете допустить, что иной раз человек, просто жалея других,
любя их, старается их исправить по крайнему разумению?

- Мудрено что-то. Не спрашивая человека, хочет ли он, может ли он измениться,
говорят ему: видишь. мол, какой ты негодяй, тебе надобно сделаться вот таким
отличным, как я, развившийся под другими условиями, в другом нравственном
климате, в другом историческом краже, достигай же до меня, и когда достигнешь, я
тебя в награду назову меньшим братом, и притом братом бескорыстным, титулярным,
потому что наследством я буду все-таки пользоваться один. Хороша любовь!
Животных люде считают больше посторонними или уж очень дальными родственниками и
с ними умнее обходятся или просто-напросто их едят или пользуются их глупостью,
не стараясь исказить их самобытности и характера, я скорее признавая его. Иногда
берут крутые меры. когда звери на вас смотрят, как мы на них, и принимают нас
тоже за съестной припас, но вообще откровенно пользуются их особенностями и
кабалят их в свою крепостную работу. Весь прием не тот. От лошади мы требуем,
чтоб она была хорошей лошадью, и вовсе не стремимся стереть ее характер,
воспитывая в ней ее общеживотную натуру и стараясь из нее сначала образовать
хорошего зверя вообще, а потом ее специальность. Немцу же или ингличанину
толкуют, что он прежде всего человек, об и старается с самою начала не походить
на себя. Животных мы наблюдаем, а людям все внушаем, ну, и выходит вздор-Примеры
на всяком шагу. Мы знаем, что кошка личной собственности не признает,
авторитетов - еще меньше, что ова пи к полицейским должностям, ни к военной
дисциплине собачьей страсти не имеет, и не ходим с ней на охоту, не ставим ее
сторожем при вещах, квартирным при стаде, а, напротив, соглашая ее
эгоистические вкусы с нашей потребностью, предоставляем ей удовольствие
охотиться по мышам которые нам почему-то всегда мешают. Отчего же никто не
исправляет кошки, не прививает ей голубиных добродетелей, не впутает ей любви к
мышам и птицам, не внушает даже военного духа, вследствие которого загрызть
мышей должно, но есть унизительно, а следует после сраженья набрать побольше
мышьих трупов и зарыть в яму:..

- Ха-ха-ха! Я. доктор, и это яапигоу.

- И это будет так же бесполезно, разве для препровождения времени,

- Вы мне напоминаете одного нашего генерала, который, рассуждая о революционных
движениях тысяча восемьсот сорок восьмого года, говорил, что, по его мнению, вся
зла кутерьма была сделана для "изощрения в стиле журналистов".

- Не помните ли вы его фамилию?

- Нет.

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Экая досада, я записал бы ее. Это - умнейший генерал у вас после Суворова; а вы хотели над ним посмеяться!

- Нет пророка в своем отечестве!

- Lyon Perrache - Lyon Perrache! Les voyageurs pour Amberieu Culos, ligne de Chambery, ligne da

Geneve - changement de voilure. Les voyageurs de l'Expresse Marseille - Lyon continuent immédiatement [Лион Перраш - Лион Перраш! Едущие на Амберье Кю-до, линию Шамбери, линию Жевевы - пересадка. Пассажиры экспресса Марсель - Лион продолжают путь! (фр.)].

Я вышел из кареты; люди выгружали багаж. Я подошел еще раз к окну: доктор протянул обе ноги на мое место и повязал себе на голову фуляр.

Экспресс двинулся.

Досадно, запрут меня теперь в ящик с какими-нибудь часовщиками из Шо-де-Фона или с лионскими коммюнистами, "работающими в шелках", или, чего боже сохрани, с путешествующими дамами, которые закроют все окна, зайдут все места необычайным количеством ручного добра, который они таскают с собой...

...С тех пор как поднялся вопрос об освобождении женщин от супружеской зависимости, они вовсе не крепки дома и ужасно легко отрываются от "ложа и стола", как выражается римское право. Встреч они никаких не боятся, мы их боимся. Сама природа, кажется мне, спешит к уравнению прекрасного пола с просто полом; Швейцария, например, окружает, по крайней мере, городскую часть женского населения каким-то нимбом, удаляющим всякую опасность временного перемирия и *entente cordiale* [сердечного согласия (фр.)] между враждебными станами.

Я заметил это (в другой форме) ехавшему со мной члену женевского Большого совета. Он не то чтобы очень доволен был моим замечанием и совершенно неожиданно возразил:

- Но зато, как они свежи.

В этом неоспоримом достоинстве устриц и сливочного масла искал он облегчающей причины. Х Последний туннель - и *post tenebras lux* [после мрака свет (лат.)]. Женеву я знаю с давних лет. Я ее слишком знаю.

- Скажите, пожалуйста, как бы мне сделать, - говорила одна дама, соотечественница наша, не без угрызения совести, - как бы сделать, чтобы полюбить Швейцарию?

Задача была ее легкия, несмотря на то что есть множество причин, по которым Швейцарию следует любить,

- А вы куда едете? - спросил я ее.

- В Женеву.

- Как можно, вы уж лучше поезжайте в другое место.

- Куда же?

- В Люперн или что-нибудь такое.

- Неужели там лучше?

- Нет, гораздо хуже, но там вы скорее дойдете до разрешения вашей задачи.

В самом деле, в Женеве все хорошо в прекрасно, умно и чисто, а живется тут.

Начнешь рассуждать, - ясно, как дважды два, что в наше серенькое время мало мест лучше в Европе., а наймешь квартиру - так и тянет куда-нибудь, лишь бы из Женевы вон.

Достоинства Женевы кто не знает. Каподистрия в те веселые времена, когда Европа танцевала свою историю на конгрессах и вся пахла *flour d'oranger* и белыми лилиями, сравнивал Женеву с ладанкой, в которой бережется кабардинская струя, напоминающая что-то Европе своим запахом Каподистрия был правой покойного императора Павла I. намывавшего движение в Женеве "бурями в стакане". Конечно, привыкнув брить за единицу меры пространство от Петербурга до Камчатки, Женева может показаться не только стаканом, но и рюмкой, - но одной рюмки мохуса было действительно достаточно, чтобы во всей Европе поняли, что известный мохус существует, в ней. как в фокусе, усиленно сокращенно отражается все движение и все движения современной истории с тем преувеличением, которое имеют Альпы на выпуклых каргах и капли под микроскопом.

Вы видите, я далек от того, чтоб клеветать на рюмку, служившую, вска ценные гаванью всем преследуемым за грех мысли, бежавшим в нее с четырех сторон, - на рюмку, из которой вышел Руссо и со дна которой Вольтер муттил Европу. Но что же мне делать, когда при всем атом чего-то в ней недостает.

Наружно женевцы давно бросили свой отталкивающий пietism, свою канцелярскую, педантскую обрядность. Женева в этом даже опередила Англию; в ней человек может, не теряя честного имени, кредита, места, уроков и приглашений на обеды, не явиться яе-енолько воскресений в предике [церковной проповеди (от нем. *predigt*)]. Но за спавшей с души коростой кальвиниша осталась постно-смерщенная

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
кожа. Эти формы без содержания, эти рябины прошлой болезни уцелели вместе с
сухой раздражительностью, с приемами прежней нетерпимости. Женева похожа на
расстриженного пагера, потерявшего веру, во не потерявшего клерикальные манеры.
Кто-то сказал, что в каждом женевце остается на веки веков след двух простуд,
двух холодных дуновений: бизы [северного ветра (от фр *bise*)] и Кальвина, — и,
кто бы ни сказал, это совершенно верно, но он забыл прибавить, что к двум
прирожденным простудам прибавляются разные пограничные осложнения:
савойские — немного с зобом внутри, французские — с *soup d'etat*'скими [от фр.
soup d etat — государственный переворот] но полновнениями и централизационными
стремлениями Все это вместе составляет в общем швейцарском характере, тоже
больше свежем, чем любезном, особый оттенок — женевский, конечно, очень хороший,
но не то, чтобы чрезвычайно приятный,
Женевец — гражданин и буржуа, гражданин раздражительный, буржуа агрессивный,
несколько хищный и всегда готовый сдать сдачу крупной медной монетой дурного
чекана. Между собой у них расплата идет свирепее о быстрее, чем с нашим братом.
Иностранца, особенно туриста, пока не намечают в нем наклонности к оседлой жизни
щадят, как хорошую оброчную статью в выгодный транзитный товар. Таких
соображений между жителями быть не может. На другие кантоны женевцы смотрят
свысока, они нарочно не знают по-немецки Вообще надобно заметить, что у
швейцарцев два, три. даже четыре патриотизма и, стало быть, столько же
ненавистен. Есть патриотизм федеральный в есть кантональный; федеральный, в свою
очередь, раздвоен на романский и германский. Как добрые родственники, граждане
разных кантонах любят собираться на семейные праздники, вместе покушать и
попить, пострелять в цель, попеть духовную музыку и послушать светских речей,
после чего, как настоящие родственники, они возвращаются по домам с той же
завистью и нелюбовью друг к другу, с которой пришли, с теми же пересудами и
взаимными антипатиями.

В германской Швейцарии вы встречаете на каждом шагу ту природную, наивную,
англо-саксонскую грубость и бессознательную неотесанность, которая очень
неприятна, но не оскорбительна, которая сердит, не озлобляет, так, как сердит
неповоротливость осла, слона. Женевец, заимствуя у немецких кантонах это
патриархальное свойство, усложняет его, переводя на французский язык, не имеющий
столько емкости или выразительности по этой части, и, мало этого, он возводит
простодушную соседскую грубость в квадрат преднамеренной дерзостью и
сознательным *sans facon* [бесцеремонность (фр.)]. Он наступает на ногу, зная, что
это очень больно; он скорее потому-то и позволяет себе это маленькое
удовольствие, что знает.
То, что у немецкого немца идет до приторности, чем он производит в непривычном
морскую болезнь, и что называется словом, не переводимым ни на какой язык, —
словом *Gemütllichkeit* [уют (нем.)], это до такой степени отсутствует в женевце,
что вы от него бежите и без морской болезни. К тому же женевец особенно скучен,
когда он весел, и пуще всего, когда разострится. Вероятно, во времена женевских
либертинов они были размашистее, смеялись смешно и остирили не тупым концом ума,
но они выродились.

Так, как у женевцев следа нет немецкой задушевности, так у них нет признака
сельского, горного элемента, сохранившегося в других местах Швейцарии; женевцам
не нужно ни полей, ни деревьев, — им за все и про все служит издали *Mont Blanc* и
вблизи озера. Если он хочет гулять за городом, у него есть на то пароходы с
фальшивящей музыкой и двигающимся рестораном. Богатые уезжают в загородные дома,
но бедное население женевское не имеет ничего подобного маленьkim местечкам
возле Берна, Люцерна, разным Шенцли, Гютчи, Юти; есть кое-где несчастные
пивные с кеглями — вот и все. Впрочем, надобно я то сказать, женевцу некогда
много ездить *ins Griine*: [за город (нем.)] все время, остающееся от промысла, он
посвящает делам отечества, выбирает, выбирается, поддерживает одних, топит
других и постоянно сердится. К тому же его торговые дела именно и идут бойко
только в то время когда людям в городе душно.

Главный промысел Женевы, так же как и всей городской Швейцарии, стада туристов,
прогоняемые горами и озерами из Англии в Италию и из Италии в Англию. Наших
соотечественников, делающих также свои два пути по Швейцария, и больше, чем
когда-нибудь, не так дорого пенят, — "не стоят столько", по американскому
выражению, — как прежде, до 19 февраля 1861 года, Англичане и американцы
котируются выше Женева к торговле пространствами, вершинами и долинами, водами и
водопадами, пропастями и утесами прибавляет торговлю временем и продает каждому
путешественнику часы и даже цепочку, несмотря на то что у всякого есть свои [В
Женеве до того усовершенствовали теперь измерение времени, что узнать, который
час, если не невозможно, то чрезвычайно трудно. Как ни посмотришь — все разный
час: Один циферблат показывает парижское время (оно, верно, отстает *aujourd'hui*

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru [в настоящее время (фр.)], другой бернское (полагать надобно, совсем нейдет), наконец, женевское (по карманным часам Кальвина на том свете), (Примеч. А. И. Герцена.).]

В отправлении своей коммерции с иностранцами женевский торговец является во всей своей оригинальности: он сердится на свода жертву за ее опыты самосохранения и, мало что сердится, - в случае упорства оскорбляет бранью и криком. Иностранец, который но поддается, в глазах женевца что-то вроде вора. XI Чтобы подражать в болтовне моему уехавшему доктору и быть истым туристом, я должен бросить, заговоривши о женевцах, взгляд на их историю. Дальше 1789 года мы, разумеется, не пойдем: скучно и не очень нужно. Резче этой черты история на Западе не проводила, это - своего рода якватор.

Перед этим годом генерального межевания Женева жила набожной и скупой семьей, двери держала назаперта и без большого шума, но с большой упорностью молилась богу по Кальвину и копила деньги. Опекуны и пастыри много переливали из пустого в порожнее по части богословских препинаний с католиками. Католики меньше болтали, больше интриговали и, когда отчаянные кальвинисты торжественно их побили в контроверзе, католики уже обзавелись землицей и всяkim добром.

Известно, что католические клерикалы имеют при своей бездетности то драгоценное свойство хрена, что, где они пустят корни, их выполоть трудно. Кальвинисты побились, побились, да так и оставили хрен в своем огороде.

В те времена в Швейцарии было много добродушно-патриархального; несколько семейств, переродившихся, покумившихся друг с другом, пасли кантоны тихо и выгодно для себя, как свои собственные стада. Разные почтенные старики с клюками, так, как они являются в свят день после обеда потолковать нараспев не в гетевском "Фаусте", а в "Фосте" Гуно, заведовали Женевой, как своей кладовой, распоряжаясь всем и употребляя на себе все рабочие силы своих племянников, дальних родственников и меньших братии. К роскоши они их не приучили, а работать заставляли до изнеможения, "в поте, мол, лица твоего снискивай хлеб", - все по писаниям. Метода эта к концу XVIII века перестала особенно нравиться племянникам, потому что дяди богатели, а они исполняли писания. Как дяди ни доказывали, что женевец женевцу рознь, что одни женевцы - граждане, другие - мещане, а трети только уроженцы, племянники не верили и начинали поговаривать, что они равны дядям. "Вы правы, мы все равны перед богом, - отвечали дяди, - а о суетных, земных различиях, если они и есть, стоит ли толковать!" - "Стоит, и очень", - отвечали те из племянников, которых старые скряги не совсем сломали, - и стали отлынивать от благочестивого острога. "Вы люди свободные, - толковали им дяди, - не нравится дома - свет велик, ступайте искать хлеба, где хотите, а мы вас даром кормить не будем, а будем молиться за вас богу, чтобы очистить ваши души от наваждения общего врага нашего".

Ничего, думали про себя старики, пусть помаютса да поучатся, пусть поголодают да перебесятся; воротятся и опять будут работать на ниве нашей.

Взяли племяннички котомки и длинные палки и ишли смотреть свет: кто с запяток, кто с козел, кто с булавой швейцара в руке, кто с бурбонским ружьем на плече, кто с историей и географией под мышкой; кто кондитером, кто часовщиком, кто трактирным слугой, кто слугой вообще; жены и сестры их шли во француженки, по части выкроек и воспитания.

Те, которым повезло, весело ехали домой и сами зачислялись в дяди, но не все остальные возвращались к особенному удовольствию набожных сродников. Жившие в Вене и в Москве, в Неаполе и Петербурге конфетчиками и буфетчиками, гувернерами в России или "свищерами" в Риме, - еще ничего. Но другие, встретившиеся в Париже с беспорядками, и притом не с той стороны, с которой были их храбрые соотечественники, стрелявшие по народу из окон тюльерийского дворца 10 августа 1792 года, возвратились никуда не годными. Вместо молитвенников в черных переплетах с золотым обрезом они начитались гневного "Рёгэ Du-chesne" и мягкого "друга народа". Старые родственники, сделавшие еще закоснелейшими раскольниками, так и ахнули. "Ах, говорят, вы богоотступники, мошенники! Вот мы вас!" - "Вы погодите ругаться, благочестные старцы, - отвечают племянники, - мы ведь не прежние, мы раскусили вас, pas si boeuf [Истое женевское выражение [не так решительно] (фр.)]. (Примеч. А. И. Герцена.), давайте-ка прежде делить наследство. *Liberte, Frater-nite, Egalite ou...[Свобода, Братство, Равенство или... (фр.)]*" Старики и кончить не дали. Давно отупевшие от ханжества и стяжания, они совсем рехнулись при виде такой черной неблагодарности племянников. Страх на них нашел такой; вспомнили площадь, на которой они поджарили и оттяпали невинную голову Серве. Ну, думают, как "наши-то" с бесстыжих глаз ограбят, потузят да еще, пожалуй... фу! как от биавы: так мороз по коже и дерет.

По счастию, Франция явилась на выручку. Первому консулу было как-то нечего делать; за неимением двух-трех тысяч какой-нибудь армии Sambre-et-Mouse для

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
гуртового отправления на тот свет, он вдруг отдал следующий приказ:
"Article I. Женевская республика перестала существовать.

Article II. департамент Лемана начал существовать. Vive la France! [да здравствует Франция! (фр.)]"

Великая армия, освобождавшая народы, заняла Женеву и тотчас освободила ее от всех свобод. Пользуясь досугом, старики стали забираться и прятаться все выше и выше, запираться все крепче и крепче в неприступных домах, в узких и вонючих переулках... другие, посмывшись, принялись укладываться да, ее говоря худого слова... за Альпы да за Альпы.

Хорошим людям все на пользу, - добровольное заключение и добровольное бегство послужило старицам как нельзя лучше. Оставшиеся, желая отомстить за порабощение отечества, принялись продавать неприятелю военные и съестные припасы по страшно патриотическим ценам. Во время империи никто не торговался (кроме Талейрана, я то только когда он продавал свои ноты и мнения). Недостало денег в одном месте, - контрибуцию в другом, две контрибуции в третьем; ясно, что комиссариатские вильгельмы Телли в убытке не остались.

Освобожденные, в свою очередь, реакцией 1815 года от своих страхов, эмигранты возвращались (точно так же разжившись разными дипломатическими и другими аферами) к затворникам, и давай друг на друге жениться для того, чтобы составить плотную аристократию.

Какой ветер веял тогда, вы знаете: Байрон чуть от него не задохнулся, Штейны и Каннинги казались якобинцами, и Меттерних был человек минуты.

Объявляя, обратно первому консулу, о том, что департамент Лемана перестал существовать, а женевская республика снова начала существовать, Священный союз резонно потребовал, чтобы во вновь воскресающей республике ничего не было республиканского. Это-то старикам и было на руку. Для

либерально-учено-литературной наружности им за глаза было довольно м-м Сталь в Коппете, де Кандоля в ботанике и Росси в политической экономии... Снова принялись они общипывать и брать голодом понутивших голову племянников, снова завели богословские скачки и бега с католиками, которые еще больше накупили земель. Скряж-ническую жизнь свою старики выдавали за олигадои-ческую пеприступность, - мы-де имеем наши знакомства при разных дворах, а по другую сторону Pont des Bergues никого не знаем. Замкнутые в горной части и лепясь около собора, они не спускались вниз, предоставляя черни селиться в С.-Жерве. Как всегда бывает, взяви все меры, они не взяли самой важной: не строить им надобно было Pont des Bergues, не поправлять, а подорвать его порохом, - не подорвали. По этому мосту прошла революция 1846 года, XII Знаменитый граф Остерман-Толстой, сердясь на двор и царя, жил последние годы свои в Женеве, - аристократ по всему, он не был большой охотник до женевских патрициев и олигархов. - Ну, помилуйте, сударь мой, говорил он мне в 1849, - какая же это аристократия - будто делать часы и ловить форель несколько поколений больше, чем сосед, дает des titres; [титулы (фр.)] и origine [источник (фр.)] богатства какой - один торговал контрабандой, другой был дантистом при принцессе... - Вы забываете, граф, - отвечал я ему, - что женевские аристократы имеют и другие права. Разве они не находились в бегах и разве не возвратились восвояси - отчасти благодаря вам, сопровождаемые казаками и кроатами, как другие венценосцы и великие имена...

Блудные племянники точно так, как кульмский герой, понимали значение высокого патрициата женевского, и в особенности так понимал блуднейший из них Джемс Фази.

Джемс Фази - это смертная кара женевского патрициата, ее мука перед гробом, ее позорный столб, палач, прозектор и гробокопатель. Кровь от крови их, плоть от их" плоти, потомок одной из старинных фамилий, о бого скучавших с Кальвином, - и у него-то поднялись руки на беззащитные, но не бессребренные седины. Он "дядей отечества", выбранных собственными батраками и kortomnikami в верховный совет, прогнал в 1846 году в три шеи и сам себя выбрал на их место, вверяя себе почти диктаторскую власть. Сен-Жер-ве и вся бедная Женева с восторгом рукоплескали ему.

От него старики спрятались этажом выше и повесили к дверям по замку больше, от него они отступили еще на степень, мозги стали быстрее размягчаться, а сердца каменеть. Умных людей между ними больше не было. Вообще Джемс Фази чуть ли не последний умный человек в Женеве. Глупое озлобление, с которым они повели чайну, было худшее оружие с таким врагом.

Фази похож на хищную птицу, и теперь, состаревшись и сгорбившись, он напоминает еще исхудалого кобчика - и злым клювом, и пронизывающим взглядом, и теперь он еще полон проектов и деятельности, кипучей отваги, готовности рисковать, бросать

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru перчатку и поднимать две, он все еще задорен и дерзок, он все еще молод, а ему семьдесят два года - подумайте, что он был в пятьдесят. Ему все шло впрок, больше всего - недостатки и пороки. Середь удушающей скуки женевской жизни о ее протестантски-монашескими, постными лицемерами его разгульное спустя рукава, его веселое беспутство, его блестящие, шипучие пороки, опрокидывавшие на него удесятеренную ненависть святош, привязывали к нему всю молодежь, с которой он жил запанибратом, нигде не дозволяя себе наступить на ногу. Фази стоял головой выше своего хора и тремя - своих врагов. Добавьте к этому большую сметливость в делах, верный и решительный взгляд, неутомимость в работе, настойчивость, не останавливавшую ни перед какими препятствиями, гнувшую а ломавшую всякую оппозицию, - и вы поймете, что не женевскому патрициату было бороться с ним. Дипломат и демагог, конспиратор и комиссар полиции, президент республики и гуляка, - он все еще находил в себе бездну лишних сил, которая разъедала его своей незанятой праздностью. Этому человеку, очевидно, недоставало широкой рамы, Женева была не по его росту... вытягиваться точно так же вредно, как съеживаться. Фази в Лондоне, в Нью-Йорке, в освобожденном Париже был бы великим государственным деятелем. В женевской тесноте он испортился - привык кричать и бить кулаками по столу, беситься от возражений, привык видеть против себя и за себя людей ниже его ростом. Отсюда страсть к тратам и наживам, привычка бросать деньги и недостаток их... ажиотаж... потери... долги. Долги - наше национальное экономическое средство, наша хозяйственная; уловка, именно долги-то в глазах женевских Гарпагонов должны были уронить фази больше, чем все семь смертных грехов вместе. Что ему было за дело до их ненависти, пока вся Женева - небогатая, молодая, рабочая, католическая - подавала за него голос... и кулак. Но tempora mutantur [времена меняются (лат.)].

Около пятнадцати лет диктаторствовал тиран Лемана над женевскими старцами. Город удвоил, крепостные стены сломал, сады разбил, дворцы построил, мосты перекинул,igorный дом открыл и других домов не закрывал... но Кащеи бессмертные-таки подсидали его, у них явился отрицательный союзник.

К борьбе фази привык, он жил в ней, и, когда не тотчас случалось ему одолеть, он раненым львом отступал в свое С.-Жерве и выходил вдвое яростнее и сильнее из своей берлоги.

С таким неприятелем, как фази с своими молодцами, старикам-формалистам и легистам нечего было делать, как тотчас опять отступать. Они воевали парламентскими средствами и исподволь распускаемыми клеветами. А с какой стороны он хватит, как было знать. С таким неочестливым противником всего можно было ждать. Пока масса была за него, сила его была несокрушима, а переманить ее на свою сторону воспоминанием прежнего патриархального за-крепощения было дело не особенно легкое. Помощь должна была явиться из среды по ту сторону фази. Время шло исподволь, меняя умы и мысли в Женеве, как и на всех точках земного шара, где история; еще делается... - Опираясь на свою живую стену, фази, наконец почувствовал, что стена холоднее... что она не так плотна и не так сплошно поддерживает его... Он: годы старался не верить, но вот там... тут ропот - или хуже - равнодушие. И, уязвленный своими, гладиатор-вождь обернулся назад с раздраженным лицом... "Кто бунтует против прежнего агитатора? Неужели он?..." Укоряющая, печальная тень Альберта Галера сумрачно качала головой и указывала с упреком на работников, как будто говоря - "они не твои больше". Галер был суровый проповедник, фази боялся его социальных идей и гнал его... гнал до гробовой доски, - в могиле он вырос и окреп. Теперь наступило утро его дня, солнце фази садилось.

Старый боец не оробел, он снова ринулся вперед, но силы бить на две стороны не хватило, и он был зря. Нанося удары консерваторам, он в то же время хотел левой рукой держать за горло "гидру" социализма - на таком противостоящем раздвоении нельзя было надолго удержаться.

Действительно, Швейцария, Женева - микрокосмы. Разве в моем беглом рассказе не вся современная драма человеческого развития с 1789 года до нынешнего дня? Не все ее действующие элементы?

Радикальная партия раскололась на две партии - без всякого повода. Одна часть бросила старого вождя, другая несла его с криком на прежних щитах. Земля терялась под их ногами, и озлобление росло. Возле огороженного поля для травли ходили безучастные работники, - у старых племянников явились свои племянники. Новый бой не имел для них смысла, она не верили ни тем, ни другим. Оставленные противники вцепились друг другу в волосы. С этих пор, то есть с начала шестидесятых годов, озлобление борющихся партий приняло форму периодического членовредительства. Женевцы пользуются каждым общественным делом, чтобы почистить друг другу предместья. Labourer les faubourgs - гениальное женевское выражение,

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru ае уступающее гоголевскому "съездить под никитки". После каждого выборов победители и побежденные ходят татуированные, как ирокезы; у кого синий глаз, у кого ссадина на лбу, у кого нос отделан под грушу. Столько мышечного усердия и фонарей ни одна страна не приносит на алтарь отечества - как цивическая веселья Кальвина.

Нигде в мире не занимаются с такой рьяностью и так часто выборами, как в Женеве; месяцы прежде - только об них и говорят, месяцы после - только об них и спорят. Отчасти это происходит от чрезвычайной важности, которую женевцы им придают. Консерваторы и радикалы, не согласные ни в чем, согласны в о г-, ромном значении Женевы в всемирном хозяйстве и развитии. Для одних это Рим "очищенного протестантизма", для других - исправляющий должность Парижа во время его тяжкой умственной болезни и горькой доли. Женевцы уверены, что как весь мир, чтобы знать время, смотрят на женевские часы, так все политические партии смотрят на них самих. Как же им не заниматься после этого - денно и нощно - выборами; они выбирают некоторым образом не только за кантон, но и за вселенную.

..Запершись на клточ и спустивши сторы, конспирируют еа тощий желудок консерваторы в пользу старого порядка вещей, соображая подкупы подешевле и даровые влияния - в виду будущей подачи голосов. Конспирируют и радикалы, заперши свою дверь тоже на ключ, но не e внутренней стороны, а снаружи; *la democraie permanente et militante* [непрерывно действующая в воинствующая демократия (фр.)] конспирирует не натощак, а на абсент и киш - она шумит в душных кофейнях, самоотверженно морщась от невозможного пива и не смея заикнуться об этом, потому что хозяин - не только радикал, а голос, власть и центр.

В супности, все это делается бескорыстно. Ни "ficelle" [хитрый, продувной человек, политический интриган (фр.)]; здесь имеются в виду консерваторы], ни радикалов - сущность дел не заботит, они занимаются торжеством общих мест и победой или поражением частных лиц. Остальное, то есть вся реальность жизни, администрации - опускается как мелочь... а иногда и так, что радикалы делают консервативное дело, а консерваторы радикальное.

Это удовлетворение политической гимнастикой подорвало старые радикальные и либеральные партии. Новые люди потеряли интерес к их препинаниям. Да и как было его не потерять?

В пятнадцать лет радикального владычества в Женеве ее законодатели не коснулись до целого ряда готически-патриархальных узаконений, пропитанных крепостничеством и неуважением к самым элементарным правам лица.

Чтоб убедиться в этом, не угодно ли взглянуть на текст "книжонок" или *permis de sejour* [видов на жительство (фр.)], выдаваемых всем иностранцам и в том числе швейцарцам других кантонов. Каждый "не женевец" безапелляционно отдан во власть, того часовщика, которому на ту минуту вверен полицейский хронометр. Он может иностранца выслать за дурное поведение. Законодателям не пришло даже в голову определить, что такое дурное поведение; для кальвиниста, например,ходить в католиче-скую церковь - самое скверное поведение. далее штрафы за просроченные дни, поборы за житье в Женеве - сверх всякого рода поборов за дом, мастерскую, за то и се. Вот тебе и *post tenebras lux!*

Я указал, например, одному из старых правительенных радикалов унизительный текст, который жег мне руки.

- Все это или совсем не исполняется, или *on fait semblant* [Здесь: делают вид, что исполняют (фр.)].
- Что же, вы это храните как приятный сувенир - и вам это было не гадко?
- Если б вы знала, сколько мы выбросили старого хлама.
- Чего же было жалеть остальной? ..
- Вы знаете наше положение - особенно какое оно было после тысяча восемьсот сорок восьмого... Франция, Австрия, Пруссия.
- Это другое дело - стало быть, вам было нужно, нравилось иметь в ваших руках - знаете - " такую... единую власть... .
- Что же, мы злоупотребляли ей?
- Не злаю, вероятно, что да. Знаете, что вы эдак из приличия бы ввели в дело высылки суд присяжных. Если двенадцать женевцев, которых иностранец не знает, приговорят выслать, высылайте. Все ж лучше, чем один часовщик.
- А вы думаете, что мы до вас об этом не думали?
- За чем же дело стало?
- Если б мы остались у власти...
- Ничего бы не сделали... С тысяча восемьсот сорок шестого было довольно времени...

"Думали - да не отменили". О Селифан, Селифан... по крайней мере, ты сам удивлялся, что, видевши необходимость починить колесо, ты не сказал об этом!

Скуки ради. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
долею в этом холодном пренебрежении к ближнему и в этой черствой неприхотливости
опять-таки следы бизы и Кальвина. В угловатости и бесцеремонности женевца есть
непременно что-то чисто архипротестантское, пережившее религию. Фази,
составляющий яркое исключение, старался украсить пуританский фон... полинялыми
французскими обоями с двусмысленными картинками, из-за которых все-таки так и
торчат постные кости. Пасторская нетерпимость и скучные тексты заменились
скучными общими местами и юридическими сентенциями... Церковь без украшений,
демократия без равенства, женщины без красоты, пиво без вкуса, или, хуже, - с
прескверным вкусом - все сведено на простую несложность, которая идет человеку,
пусть всего спасающему душу. Самый разврат в Женеве до того прост, до того сведен
на крайне необходимое, что больше отстраивает, чем привлекает. "Ты, мол, греши,
коли надоально, но не наслаждайся, единое наслаждение там, где тело оканчивается и
дух на воле".

От этого происходят удивительные контрасты. Полуповрежденная Лозанна считает
театр грехом и никак не дает деньги на возобновление погорелой онеры... и все
неповрежденные в ней только и мечтают о постройке нового театра. Театр занимает
воображение - отвлекает от последних новостей Библии и от болтовни
праздношатающихся и вольнопрактикующих пасторов. В Женеве два театра, но они до
того наводнены элементом простой камелии и элементом воуоу [оборванца (фр.
арго)], что солидные мужчины и особенно женщины (не из иностранок) без крайней
необходимости их не посещают.

Зато если есть какое послабление и расpusжение - по поводу французской близости и
пены, прибываемой к ее границам, есть и полиция. Женева любит круто
распорядиться. Куда остальным кантонам, с своими допотопными жандармами, в
киверах, напоминающими картины войн 1814 и баварские каски времен фельдмаршала
Вреде... Стоит эдакий увалень - стоит да вдруг от скуки или как спросонья
спрашивает у гуляющего: "фо балье" [Искаженное произношение, с фр.: "Vos
papiers" - "Ваши документы"] и готов сдуру вести ау poste [в полицейский участок
(фр.)], где ему же и достанется за это.

Женевский жандарм разит Парижем, это уже отчасти *sergent de ville* [полицейский
(фр.)], охотник своего дела. Чоб это увидеть, не нужно въезжать в город, а
достаточно приехать в женевский амбарcadер [железнодорожная платформа (от фр.
embarcadere)] - с швейцарской стороны. После итальянской учтивости и простоты в
других кантонах - перед вами круто раскрывается преддверие Франции - страны
регламентации, администрации, надзора, опеки, предупреждения, внушения.
Кондукторы и сторожа железной дороги наглазно превращаются в самодержавных
приставов, вагонных тюрем

щиков я прежде всего в ваших личных врагов а строгих начальников, с которыми
говорить а рассуждать не соаетую.

Франция так нахлороформизировала собою Женеву, что она и из почувствует сначала
операции de Fannexioa [аннексии (фр.)]. Хотя и найдется меньшинство, которое
наделает в желудке галльского кита хлопот не меньше Ионы... но Франция - не кит:
что ею проглочено, то она не скоро выбросит.

Не страшно ли, что первый человек, который хотел предать Женеву французам, был
сам Кальвин. Найдя, впрочем, что в случае нужды а. в Женеве можно зажарить
еретика Серве, он примирился с независимостью республиканской весы. 1868 - 1869

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!